

СПАСШАЯСЯ ОТ МИНОТАВРА

На втором после Гуревича месте среди адресатов «эпистолярного романа» были «московские тетушки». Все 16 лет лагерей и ссылки Ариадна жила этой перепиской, крошечная комнатка Елизаветы Яковлевны Эфрон в Мерзляковском переулке ассоциировалась в ее сознании с «домом»: «Сколько ни менялось у меня понятие «дома» за эти годы, а все же единственным оставалась Москва, Мерзляковский» (письмо Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич, Туруханск, 1949). Комнатушка эта в свой срок давала приют всем «бездомным» членам семьи Цветаевых-Эфронов. Вернувшись после реабилитации в Москву Ариадна тоже должна была остановиться здесь, ибо, как и для Марины Цветаевой, коренной москвички, чья семья владела в дореволюционной Москве несколькими домами, не нашлось для нее собственного угла в советской столице¹. Здесь, в тесноте Мерзляковских десяти метров, хранились цветавские рукописи, здесь жил дух «высокого искусства»: Елизавета Яковлевна преподавала декламацию, режиссировала программы набиравшего силу чтеца — Дмитрия Журавлева. Именно это «гнездо» назвал Борис Пастернак как *единственное*, куда можно передать для чтения рукопись его романа...

Вот наконец произнесено имя, теснейшим образом связанное с жизнью как матери — Марины Цветаевой, так и дочери — Ариадны Эфрон. Борис Пастернак. Подумалось, что, если бы Бог не послал Ариадне такого корреспондента, как Пастернак, не выдержать бы ей Туруханской ссылки. Не выдержать ни в моральном смысле, ни в самом обычном физическом. Пастернак поддерживал Алю *всем* — самым своим

существованием, своей сущностью, такой близкой ей и такой человеческой, своими стихами, посылаемыми переводами пьес, романом, но *еще* и посылками, и деньгами, без которых не выжить бы ей в краю, где даже снегири и вороны не зимовали по причине убийственного климата.

Переписка началась еще в Рязани — там А.С. обреталась в 1947–48 годах в промежутке между лагерем и новой высылкой — и длилась вплоть до самого Алиного освобождения в 1955 году². Поразительное это явление — Борис Пастернак, воистину «дитя добра и света»! В лихую годину бесстрашно и без лишних слов материально поддерживал Нину Табидзе, вдову друга-поэта Тициана Табидзе, Ариадну Эфрон, Ольгу Ивинскую.

Моя знакомая, бывавшая на пастернаковской даче в Переделкине, как-то высказалась об ее скромном интерьере — ни картин, ни антиквариата. Деньги, заработанные неустанным и напряженным творческим трудом, шли на другое. Без этой тысячи рублей, присланной Пастернаком словно по телепатической подсказке, не купили бы Ариадна с ее лагерной подружкой Адой Шкодиной хибарку на берегу Енисея, давшую чувство относительной свободы и хоть временного, но «дома». От этой хибарки прямая дорога к домику, построенному подружками в Тарусе на клочке приусадебного участка Валерии Цветаевой.

Свою хибарку на Енисее ездили они навещать спустя десять лет после освобождения, когда заполярный, скудный теплом и зеленью, Туруханск стал для обеих уже не ме-

Деревенька. Акварель Ариадны Эфрон

стом проживания (выживания), а пунктом пароходной экскурсии, подведшей жирную черту под целой эпохой жизни.

В Перестройку, если не ошибаюсь, «Новый мир» опубликовал подборку писем Ариадны Эфрон и Бориса Пастернака. Уже тогда эта переписка поразила; запомнилось, что А.С. по масштабу личности не уступала обожаемому ею «Борису». Сейчас снова перечитала то письмо, которое с 90-х осталось в памяти, в нем Ариадна «критикует» «Доктора Живаго», присланного ей в Рязань (1948) в машинописных листах. Какой же она внимательный читатель и точный, проницательный критик! Ее письмо, как и раньше, показалось мне лучшей из всех рецензий на пастернаковский роман. Вспомнилось ее же высказывание: «Не тот критик плох, который писать не умеет, — а тот, который не умеет читать» (письмо Пастернаку, 1950).

О Пастернаке Ариадна пишет всегда с восторгом, он ей «родня по материнской линии» (поэт, близкий друг матери), он человек-«праздник», тот «витамин», который аккумулирует для нее жизнь. «Пока ты живешь, дышишь и пишешь... — я не чувствую себя осиротевшей» (письмо Пастернаку, 1951).

И в случае с Пастернаком на долю Ариадны досталось сиротство. Она была живым очевидцем его травли, вызванной присуждением Нобелев-

¹ Окончание. Начало в №11 (1–15 июня 2009 г.)

ской премии за «антисоветский роман», утешительницей и «бесслезной» плакальщицей во время его пути на Голгофу, выпало ей и пережить его смерть в 1960-м.

Чем жить, когда обрываются последние нити, связующие с жизнью?

Однако, несмотря на обрывы, нить жизни продолжалась, как и «эпистолярный роман». В нем возникает новый адресат — Ирина Емельянова. Ирина — дочка Ольги Ивинской, подруги Пастернака; обеих после смерти Бориса Леонидовича арестовывают по обвинению «в контрабанде валюты» и ссылают в мордовский лагерь.

Ариадна знала об Ивинской еще до знакомства с нею. Пастернак в письме поделился с Алей своею печалью, когда Ольгу арестовали в первый раз, в 1949 году. По сходству ли судеб, по возникшей ли внезапно симпатии, но по возвращении из туруханской ссылки общалась она именно с этой «незаконной семьей» Пастернака. Причем, как видно из переписки, в паре этих двух женщин, матери и дочери, безоговорочно выбрала дочь.

Для Ариадны Ирина — «Милый Малыш», которого должна она спасти, вытянуть, научить «выживанию» в условиях уже *послесталин-*

воды. «Как-нибудь вытянем (пишу, будто бы я с вами, но я действительно с вами больше, чем сама с собой» (письмо Ирине Емельяновой, 1962).

В одном из писем А.С. рассказывает, как в начале ее «лагерной» дороги, ночью, на пересылке, ей встретился человек, поделившийся с ней, голодной и нищей, скудным пайком и небольшими деньгами. И вот мне кажется, что с тех пор она всю жизнь отдавала свой «долг» — уже другим людям. В «открытой» еще Львом Толстым существующей в человеческом сообществе *цепочке добра*, противостоящей наглой и победительной темной силе, стояли и тот неизвестный человек, и Борис Пастернак, и «московские тетушки», и молодая учительница Иры Емельяновой, помогавшая ей пережить лагерь, и сама Ариадна...

После выхода на волю делом жизни для А.С. становится продвижение к читателю материнского наследия. По письмам второго тома 1955-1975 годов (второй части «эпистолярного романа») можно проследить, как тяжела и неподъемна была эта работа, как противились ей чиновники от культуры и как, несмотря на это, она неуклонно продвигалась вперед — совпадая с ожиданиями и требованиями читателей.

Самыми первыми помощниками А.С. на этом пути были давний друг Илья Эренбург и новопоявившийся и сразу «полюбленный» Эммануил Казакевич; впоследствии к ним присоединился серьезный литературовед, главный редактор серии «Библиотека поэта» Владимир Орлов, из «многоуважаемого» скоро превратившийся для Ариадны в близкого, заинтересованного в деле человека. Характерный штрих: в 1970 году, обвиненный в «идейной незрелости», Орлов был снят со всех постов. В том же году ушел из «Нового мира» Твардовский. Наступали заморозки, бал «на идеологическом фронте» снова правили партийные чиновники. Ариадне Сергеевне удалось протащить цветаевские рукописи в «узкое ушко» недолгой и непоследовательной послесталинской «оттепели».

В 1966 году А.С., *отчитываясь о сделанном за десять лет*, пишет в письме к «воскресшей» из небытия старинной приятельнице матери Са-

ломее Андрониковой-Гальперн: «Изданы две книги поэтических... Напечатано много... публикаций в сто-

Ирина Емельянова в лагере, 1961 г.

личных и нестоличных журналах (стихи, проза). В этом году выйдет книга о Пушкине; в начале будущего года — книжечка стихотворных переводов на русский язык».

За всем этим — «муравьиный» труд дочери, подготавливающей рукописи, сверяющей варианты, пишущей комментарии, пробивающей книги в издательствах...

Не знаю, есть ли в истории еще примеры подобной самозабвенной неустанной работы. В голову приходит только Елена Чукская. Завершается Ариаднино письмо-отчет такими словами: «... теперь мама *сама* идет — своим семимильным и таким *легким* шагом — в гору, и скоро уж, верно, не будет нуждаться в моих хлопотах и опеке...».

Здесь скажу два слова о пресловутой «советскости» Ариадны Сергеевны. О ней ни слуху, ни духу в трехтомнике. Нету, не нашла. Нашла глубокий аналитический ум, верное понимание политической ситуации, презрение к советским чиновникам и нуворишам и близкую к христианским ценностям мораль. Показалось, что не зря в письмах последнего периода так много церквей, разоренных и действующих, описываемых как что-то очень родное, «грустно радующее».

Завершающий — третий том — вобрал в себя все написанное Ариадной Эфрон: воспоминания о матери, статьи об армянском поэте Аве-

Борис Пастернак, 1921. Рис. Ю. Анненкова

ских лагерей, куда более мягких, чем доставшиеся ей, и все же недочеловеческих, ужасных. Как когда-то Пастернак — ей, Ариадна посылает в лагерь продукты и деньги, хотя сама живет на скудно оплачиваемые пере-

тике Исаакяне и писателе Эммануиле Казакевиче, — а также прозу, стихи, переводы. Сама Ариадна Сергеевна отзывалась о своих переводах с тяжким вздохом труженицы — как о средстве заработать на жизнь. Однако далеко не всякий переводчик удостоивается похвалы самого Ефима Эткинда (его статья помещена в издании). Нельзя не согласиться с мне-

писан рассказ «Мироедиха» — о затерянном в заполярной тайге маленьком «станке» на берегу Енисея, о бабе Леле, что «старше не только всех, живущих здесь, но даже и всех строений...» А еще есть чисто ариадновский язык воспоминаний — без единого лишнего эпитета, без сахарности и малинового сиропа, с точно найденными, сердцем выверенными словами («и я увидела лицо его души» — о Казакевиче).

Язык прозы Ариадны Эфрон произрастает из ее писем. Недаром Борис Пастернак по письмам своей корреспондентки понял, что она писатель. Не хватает места, если начну цитировать необыкновенные описания природных явлений, звезд, северного сияния, фальшивых солнц и лун, разместившихся на заполярном небе, птичек, травинков, ягод и грибов, чей срок приходился на июль — в августе уже начинались заморозки и шел снег.

Приведу только поразивший меня портрет Ивана Бунина, данный по контрасту с таковым же у Паустовского, показавшимся Ариадне «манной кашей»: «Глаза были светлые, белесые, пронзительные, недобрые — глаза-ланцеты. Сам был сух, жилист, большенос, с брезгливым ртом и красивыми, сильными, подвижными и крепкими руками. Зол, заносчив, высокомерен, влюбчив, ненавистлив и *умен* с головы до пят. Выпивши — добрел — выпить любил» (письмо к А.Саакянц, 1961, в примечаниях).

Не могу удержаться, чтобы не привести кусочек письма Ариадны из весенней Тарусы к больным теткам в Москву: «... если бы вы обе видели, как стеной стоит и цветья-цветет голубая, цвета грозы, фиолетовая, цвета аметиста, белая, чуть кремовая, цвета сливок — сирень! Как застыла она в торжестве своего расцвета, в своем апогее, в своем полудне!» (письмо Е.Я.Эфрон, 1966).

Да не подумает читатель, что все письма написаны в таком романтически-возвышенном ключе — вовсе нет, в них, как ни стран-

но, очень много юмора, самоиронии; чего в них мало, так это быта. Быт так тяжел, что не хочется в него углубляться. Одна деталь: в промерзшем помещении туруханского клуба на столе стоит ведро с енисейской водой, кружки нет, все пьют прямо из ведра...

Кстати, в трехтомнике есть и графический портрет Ивана Бунина, и фотография тарусского садика, и множество других фотографий и изображений, иллюстрирующих текст. А еще есть здесь рисунки и акварели самой Ариадны Эфрон, как оказалось, самобытной талантливой художницы.⁴

В упоминаемую «цепочку добра» легко встраивается Руфь Борисовна Вальбе, составитель и комментатор книги, а также одна из ее адресатов. Такое впечатление, что она заняла в сердце А.С. место повзрослевшей, освободившейся из лагеря Ирины Емельяновой. Во всяком случае, в письмах к ней звучит неподдельная, почти материнская любовь и зовется она в них *деточка*, *малыш*, *Руфка*. Ее — вначале ученицу Елизаветы Яковлевны Эфрон, затем став-

Ариадна Эфрон и Анна Саакянц в Тарусе

нием мастера: переводы Ариадны Эфрон из «Цветов зла» Шарля Бодлера — великолепны (хотя для меня «Плаванье» Бодлера в конгениальном переводе Марины Цветаевой все же *вне* досягаемости). Читатель может составить себе представление о легкости и изяществе поэтического слога А.С. по шутливым стихам, обращенным ею к редактору Гослитиздата, младшей и верной подруге, Анне Саакянц:

Прелестный Саакянц!
Я сражена
Сим проявлением дружбы
 без примера...
Вам самому не более нужна
Поэзия великого Мольера,
Чем фижмы — волку,
 соловью — тромбон,
Чем талье — прибавление в объеме!
Но если терпит бедствие Эфрон
Наш верный Саакянц —
 уже на стреме...
 (А. А.Саакянц, 1965)

Как отличается этот полетный европейский слог от того, каким на-

Елена Яковлевна Эфрон, середина 1930-х

шую деятельной помощницей немощных и больных «московских тетушек» — А.С. в одном из писем сравнит с Мариной Цветаевой. Для обеих «друг — есть действие». Кажется, что книга, посвященная Ариадне Эфрон, сделанная профессионально, с глубоким знанием материала, с комментариями, далеко выходящими за рамки необходимого, несет еще одно *дополнительное* качество — душевное родство с его героиней, словно составлена ее дочерью или младшей сестрой.

А теперь вернемся к началу и к словам, взятым мною в качестве эпиграфа. Кстати, слова эти — про «пепел Клааса» — есть и в том самом письме к Руфи Вальбе, и, сдается мне, воодушевляли и двигали вперед ее работу. «Воистину коротка наша память! И все лишь оттого, что так привыкли к напоминаниям, да и умолчаниям», — напишет Ариадна Эфрон за два года до смерти (письмо Вл. Орлову, 1973).

Да, память наша действительно коротка. Близятся сроки, когда исчезнут последние пострадавшие в годы сталинского террора, прошедшие через ад, чудом выжившие, с искалеченными душами и судьбами. А сколько тех, кого хоронили в общих могилах с номерками на ноге! Миллионы! Неужели «пепел Клааса» не должен стучать в сердца их прямых и не прямых потомков!

В 1956 году, разоблачая «культ личности Сталина», Хрущев обращался со своим докладом к XX партийному съезду, и материалы этого съезда были скрыты от общественности. Мало того, даже в партийном органе (Известия ЦК КПСС, №

3, 1989) этот доклад был опубликован (опять с купюрой — замазанным текстом!) только в Перестройку! *Через 33 года!*

Сейчас его можно найти на интернете.

И что же? В нем рассматриваются чудовищные преступления, но опять-таки «против партии». Говорится об ущербе, нанесенном «культу личности Сталина» интересам КПСС.

Но преступления совершались *против всего народа!* И ущерб был нанесен всему государству, всем населяющим его людям! В докладе говорится о злоупотреблениях Сталина, а также Берии, «втершемся» ему в доверие. Ни слова не сказано (и тогда не могло быть сказано!) о *преступном режиме*, обречшем на бессудные расстрелы и пытки в застенках органов внутренних дел, на смерть и муки в тюрьмах и лагерях ни в чем не повинных граждан!

В справке, выдаваемой «реабилитированным», значилось, что их освобождают «за отсутствием состава преступления!» Это ли не насмешка!

А кто ответил за их сломанные жизни! Отсутствие «государственной оценки» преступлений сталинского режима против граждан страны (и других стран!) глубоко безнравственно. Не заплатив долги, нельзя идти вперед.

Мне кажется, что именно те, кто стоят во главе государства и являются правопреемниками власти, должны взять на себя эту очистительную миссию, гарантирующую от рецидивов прошлого и открывающую для россиян путь в будущее. ♦

¹ «...два-три особняка моих предков еще целы в Москве, не считая дедова музея...» (письмо Пастернаку, 1956) Уже после того, как Ариадна Эфрон со своей лагерной подругой Адой Шкодиной построили для себя избушку в Тарусе, Союз писателей (с подачи Казакевича) отвоювал для А.С. маленькую однокомнатную квартиру в писательском кооперативе.

² Выйдя на волю, А.С. часто встречалась с Пастернаком, но и переписка с ним продолжалась...

³ Любопытно читать замечания Ариадны - Эренбургу, Павлу Антокольскому, Владимиру Орлову, авторам предисловий к цветаяевским книгам. Она, например, отстояла такие характеристики Сергея Эфрона, как «мужественный», «героический» в противовес безликому «белому офицеру».

⁴ Художник-оформитель книги - Р. М. Сайфулин.

В книге 192 стр., цветная ламинированная обложка. Более 20 оригинальных и редких фотографий ISBN 9780979179174
Цена книги \$15.00. Для подписчиков нашего журнала книга будет продаваться по цене \$12.00. Пересылка — \$3.00
Чеки и мани-ордеры на имя **Seagull** высылайте по адресу:
**Seagull, 516 Academy Ave.,
Owings Mills, MD 21117.**
Заказы по кредитной карте
по тел. **410-998-2010**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «ЧАЙКА» **Seagull Press** ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Ирина Чайковская

КАКИЕ НЫНЧЕ ВРЕМЕНА

Книга эссе, статей и интервью

Какие нынче времена? А, в самом деле, какие? Хорошие? Плохие? Всегда, как и сейчас, были считавшие, что настали «последние времена», и те, кто не разделял подобного пессимизма. Поэты Наум Коржавин и Лев Лосев, критики Станислав Рассадин и Андрей Рьев, артист Михаил Козаков, поэтесса Валентина Синкевич, художник Сергей Голлербах и писательница Людмила Оболенская-Флам не дают простых ответов на сложные вопросы, они размышляют. Вместе с ними размышляет и автор книги, стремясь нащупать узловые, болезненные сочленения нашего недавнего прошлого и настоящего, чтобы сквозь наслонения лжи, пустословия и умолчаний пробиться к истине...

Отзывы на книги Ирины Чайковской:

— Если ответить — что нравится в особенности — это ритм повествования, внимательный, очень вдумчивый, где слово — прекрасная огранка для выражения мысли, а не наоборот, не средство любования.

Даша Авдеева (Биллингстад, Норвегия)

— У меня в руках коварная колдовская книга Ирины Чайковской. Вот так открываешь книгу и думаешь: полистаю, почитаю, а потом отложу и вернусь к заранее запланированным делам и давно намеченному чтению. Но не тут-то было. Страницы затягивают, охватывают интересом к людям, к их жизням, к страданиям и вдохновению.

Галина Комаровская, драматург, радиожурналист (Бостон)

— Эту книгу очень интересно читать. У ее автора — дар увлекательно писать о том, что могло бы стать предметом скучнейших литературоведческих штудий.

Татьяна Коробкина, директор библиотеки им. И.С.Тургенева (Москва)

Чайковская, Ирина — прозаик, критик, драматург, преподаватель-славист. Родилась в Москве. По образованию педагог-филолог, кандидат педагогических наук. С 1992 года на Западе. Семь лет жила в Италии, в Анконе на Адриатическом побережье. С 2000 года — в Америке. Ее работы опубликованы в многочисленных изданиях России и За рубежом. Постоянный автор журнала «Чайка». Живет в Бостоне.

ЧАЙКА

No. 12 ▲ June 16-30, 2009

39

ВИКТОР
РОДИОНОВ
Луисвилл

БРОСОК НА ЮГ

К отплытию
готовы!

или Трое
в «Тойоте»,
не считая Алдоны

Иногда авантюры бывают плодотворными. Я попал в интернете на круизную распродажу и при цене каждого пакета в 1600 долларов купил по 400, правда, без бронированных кают, на авось. Втайне побаивался, что нас, халаящиков, запихнут в трюм. Результат «русской рулетки» оказался великолепным, нам достались приличные каюты на приличных шестой и восьмой палубах. Еще есть первая и вторая, на самом днище. Да и вообще, если круизу благоволит погода, какого ранга у тебя каюта — дело десятое, туда приходишь лишь спать и переодеться. В этом отношении нам сказочно повезло. Я помню наш последний круиз с женой: бесконечные дожди, холодные ветры, пятиметровые волны, качка, морская болезнь, словно мы были не в тропиках, а на Баренцевом море. После этого путешествия жену не заманишь даже на бесплатные круизы. На этот раз все семь дней была идеальная погода.

Кстати, о халаящиках. Во время одного круиза я познакомился с американской четой пенсионеров из флоридской Тампы. Я был поражен, когда они мне сказали, что бывают на круизах по 10-15 раз в году. Про себя подумал, наверняка богатые Буратино, где ж найти столько денег, чтобы

не вылезать из круизов? Лишь относительно недавно прочитал в «Нью-Йорк Таймс» о неожиданном флоридском бенефите для пожилых. Что делают шустрые пенсионеры, живущие вблизи морских портов? Приходят туда спозаранку с паспортами и чемоданами. На какой-нибудь корабль, да найдутся горящие места, зачастую за сто-двести долларов при цене тысяча-две. Для компаний хоть шерсти клок, для пенсионеров — неделя беззаботной и сытой жизни. На суше она им обойдется в три-четыре раза дороже. Работающие не могут себе позволить этой роскоши, у пенсионеров — бездна времени.

На круизных кораблях плавучий коммунизм. Но коммунистический лозунг «от каждого по способности, каждому по потребности» здесь в тропической интерпретации. Твоими способностями никто не интересуется, главное, чтобы все в порядке было с потребностями, что не так-то просто. Чтобы съесть все, что видят глаза, надо иметь три головы Змея Горыныча. Пищевой разврат начинается в семь утра и заканчивается в два ночи, для особо голодных круглосуточно работают кафе и пиццерия. К услугам пассажиров бассейны, джакузи, сауна, корты, массажные кабинеты, лежаки на палубах, кинотеатр, громадный концертный зал с ежевечерними комеди-шоу и

ревю в стиле Лас-Вегаса, несколько ресторанов, дюжина баров с музыкантами разных стилей. У Сергея за плечами музыкальная школа, он знает и понимает толк в музыке. Рыбак рыбака видит без языка. Уже на второй день он свой парень у очень приличного квартета из Венесуэлы. В программе круиза четыре страны, большей частью острова, и три дня в открытом море. *Sea days* в основном посвящаются солнечным ваннам и развлекательным мероприятиям, *port days* — вылазкам на побережье, кому, что по душе и карману.

На корабле мы выбрали разумную тактику, не утомлять друг друга. Все взрослые люди, пусть каждый занимается и проводит время, как хочет. Общими были ужины, вечерние концерты и часть островных вылазок. Приоритет моих гостей — пляж, солнце, snorkелинг (подводное плавание с маской и трубкой), у меня — все по ситуации. А ситуация выглядела так. Из четырех островов на нашем маршруте я уже был на двух. Поэтому на Большом Каймане и Козумеле мы шли на пляжи, в Гондурасе и Белизе они проводили время на пляже, а я ездил на экскурсии.

Наверное, Сергей и Оля идеальная пара, несмотря на разность характеров. Они прекрасно дополняют друг друга. Сергей добр, гибок, податлив, неконфликтен, не лидер, скорее, мудрый дипломат. Внутренняя мягкость в нем причудливо сочетается с бурным внешним темпераментом. Он коммуникабелен, многословен, и на каждое английское слово приходится по два-три жеста. Поэтому официанты и новые знакомые поначалу принимают его за итальянца. Имея минимальный английский, он умудряется по три-четыре часа общаться с какой-нибудь американской парой, недостаток словарного запаса с лихвой возмещается богатой мимикой и жестами. Сергей толерантен, но никак не может смириться с американскими длинными, по колено, плавками. Он загорает почти в стрингах. На территории бывшего СССР они остались в неизменной моде, но в штатах их сейчас надевают только геи. От солнца его спасает белая феска, купленная в Египте. На шее — православный крестик с мини-иконкой.

Забавный эпизод на Большом

Окончание. Начало в №11 (1-15 июня 2009 г.)

Каймане. Спрашиваем разрешения искупаться на каком-то частном пляже. Ольга заплывает в море с маской, на берегу к нам с Сергеем прибивается молодая француженка. Из всех троих более-менее сносный английский у меня, выясняем биографические данные новой знакомой. Адель, родом из Нанта, полгода живет на карибском острове Мартиник, познает мир, путешествует тоже на нашем корабле. Шутя представляю Сергея мусульманином-геем, к тому же православным священником. В доказательство тычу на плавки, феску и нателную иконку. Адель — девушка без предубеждений, и ей такая комбинация нравится. Сергей показывает на плывущую вдали Ольгу и с моей помощью обещает Адели, если жена не вернется на берег, завтра начать изучение французского.

Адель решила искупаться, Сергей предупреждает ее быть осторожной, под водой он видел морского ежа. Как зовут его по-английски никто из нас не знает. Сначала Сергей бурно жестикулирует вокруг своей головы, растопырив веером пальцы, затем рисует на песке что-то вроде свиньи в перьях, приговаривая *Sea ёжик, sea ёжик...*. В конце концов, видя непроходимую лингвистическую тупость француженки, сокрушенно вздыхает: «Ну как еще человеку объяснить? Я же ясно сказал, си ёжик».

С легкостью он находил общий язык с латинос в Гондурасе, Белизе и Мексике. Не зная ни слова по-испански. На Козумеле я отлучился на полчаса в торговом центре. Возвращаясь, Сергей на скамейке ведет «на испанском» оживленный разговор с музыкантом-марьячо. Я абсолютно уверен, если бы Сергей эмигрировал в США, через пару лет он свободно бы говорил по-английски.

Ольге бы это не грозило. Оля женщина что надо — статная, высокая, голубоглазая, но в отличие от мужа — вещь в себе. За день может произнести одно лишь слово, но это слово, похоже, в семье последнее. По знаку зодиака она Скорпион, поэтому с ней надо быть начеку. В нашем коллективе я заработал репутацию диктатора и тирана, но цитируя короля из «Обыкновенного чуда» Шварца, «что я могу поделатъ, если моя тетя была деспотом? Я весь в нее». Впро-

чем, наши отдельные недостатки не мешают нам жить дружно.

В своих путевых очерках я не раз рассказывал о корабельной жизни, к ним мало что можно добавить. Разве что повторить: если есть рай на земле, то он находится на круизных теплоходах. Оля и Сергей ни разу не были на круизах, для них все в новинку, и я рад, что им нравится на корабле. Действительно, что еще надо: живешь, как король на именинах, везет — не трясет, по утрам восхитительные тропические восходы, вечерами роскошные закаты, почти каждый день новый остров с новой государственной принадлежностью. Перед круизом я опасался, что моих гостей не всюду пустят с литовскими паспортами. На самом деле, если в банановых республиках и есть таможенный контроль, то абсолютно формальный, главный документ — корабельное удостоверение, паспорт никто не спрашивает.

Продавцы крокодилов. Белиз.

За однодневные турвылазки мало что узнаешь об очередном острове, кроме набора чисто внешних впечатлений. Везде засилье лавчонок с местным ширпотребом, ювелирных и *duty free* магазинов. Ассортимент

развлечений тоже не блещет разнообразием: пляжи, дайвинг, снорклинг, рыбалка, пиратские кораблики под «Веселым Роджером» с бесплатной выпивкой, подводные «Наutilus», автобусные экскурсии, шопинг. Разница между островами в местной валюте (хотя зачем она нужна, когда все цены в долларах?), уровне жизни и благоустроенности.

Из всех наших четырех островов я бы на первое место поставил мексиканский Козумель. Он наиболее благоустроенный, ухоженный, красочный, с хорошими дорогами и прекрасным пляжем. Здесь второй по величине коралловый риф на Земле после Большого австралийского — подводный рай для любителей дайвинга. На Козумеле я в третий раз. В последний мой визит пляж был еще бесплатным, сейчас уже за «мани». Наверное, так даже лучше, выше уровень сервиса, во время снорклинга на пляжном дне

можно видеть и фотографировать «руины цивилизации Майя». На самом деле — это мини-копии Чичен-Итцы и Кукулькана, но все равно экзотика. Козумель и Канкун, к счастью, выпадают из общей картины континентальной Мексики — бедной, запущенной и грязной.

На втором месте в моем рейтинге — Каймановы острова, они последними на Карибах приобрели независимость от британской короны, поэтому аборигены еще не успели все развалить. От «проклятого колониального прошлого» остались английский язык, главная кормилица — офшорная зона с полтыщей международных банков (по одному на сто жителей), левостороннее движение и портрет королевы Елизаветы на местном долларе. Страна недешевая, стоимость жизни на 20 процентов выше, чем в Соединенных Штатах. В прошлый

круиз во время остановки на Кайманах я побывал на черепашной ферме, на экскурсии по столице Джорджтауну.

На сей раз ограничиваюсь пляжем, дегустацией рома и шопингом. И еще кубинской сигарой по случаю предстоящей капитанском приеме. По старой морской традиции капитан судна раз за путешествие встречается с пассажирами и с каждым здоровается за ручку. На *парти* надо появляться в подобающем виде: женщины в вечерних платьях, мужчины в костюмах, ботинках и галстуках. Компенсация за нанесенные моральные страдания — выпивка без ограничений.

Третье-четвертое места я отдаю Роатану (Гондурас) и Белизу. Я не вижу между ними принципиальной разницы, до недавнего времени это была одна страна. А сейчас обе — типичные представители Третьего мира, нищие, грязные и убогие. У меня экскурсия на Алтун-Ха. Алтун-Ха — это белизская Чичен-Итца, город майя в джунглях. Его открыли в 1970-х годах археологи из Англии и Канады. Много веков аборигены не видели под носом архитектурные сокровища своих предков. Белизские пирамиды — почти двойники Чичен-Итцы, только пониже. Когда-то на Юкатанском полуострове не было Мексики, Гондураса, Белиза, была одна империя майя с одним народом, одним языком, одной культурой.

Но все проходит...

Вдоль реки Белиз наш автобус возвращается из Белиза (страны) в Белиз (столицу). Здесь — тотальная разруха, грязь, облезлые, похожие на гиен, собаки... Но как говорил булгаковский профессор Преображенский, разруха начинается не на улицах, а в головах. Кто не дает тому же Белизу жить по-американски? Не могут, мозги устроены иначе. Если в будущем США суждено погибнуть, то не от России или Китая, страну разрушат ставшие большинством латиносы.

Нарываюсь на пикантное приключение. На главном «проспекте» столицы меня пытается «снять» смазливая проститутка лет 15-16-ти. Ура, еще не вечер, за мной приударяют хорошенькие девушки! Пусть из корыстных соображений, но это

второстепенно. Однако надо быть последним дураком, чтобы поддаться, позади нас планируют два мордоворота. Увы, сегодня кина не будет.

Каждый вечер мы ужинаем в «приличном» ресторане, такой на суше потянул бы на 4-5 звезд. Сравниваю с аналогичными ресторанами в предыдущих круизах, сервис и кухня на высоте, но планка требований к публике ниже. Формально мы должны ходить туда «при параде», фактически мало кто соблюдает этикет, и менеджеры ресторана смотрят на нарушения сквозь пальцы. Кроме нескольких «обязательных» блюд, меню обновляется ежедневно, каждый вечер нас ждет что-то новенькое из кухонь всего света. Оля и я плотоядно совершаем броски в кулинарное неизвестное, Сергей из нашей троицы самый непритязательный к еде, лишь каждый раз спрашивает, есть ли в меню макароны? К тому же у него моральные страдания. Наш круиз пришелся на неделю между католической и православной Пасхами. На Руси Великий пост, а мы тут занимаемся великим чревоугодием. А как не есть, когда за все уплачено и не из чужого кармана?

«Утомленное солнце нежно с морем прощалось», прощаемся и мы. Всему, особенно хорошему, когда-то приходит конец. Снова Майами, снова таможенный контроль, на сей раз по-настоящему, у Сергея с Олей даже сверяют пальчики. Ласково похлопываю застоявшуюся «Тойоту», голубушка, не подведи. Сережа настраивает Алдону. Как ни странно, она нас сходу выручает. Я влетел не на тот хайвэй, она нас развернула и точно провела по лабиринтам даунтауна, показав правильную дорогу. В общем-то, я зря грешу на литовку, она предлагает несколько вариантов и не ее вина, что мы выбираем один, а едем другим, отсюда и путаница.

Но на то я и деспот, чтобы находить без вины виноватых.

Хотя не всегда надо слепо следовать электронным советам. Алдона снова захотела вывести нас на платную дорогу, а я умышленно не послушал ее, поехал параллельной 95-North и правильно сделал. Мы сэкономили двадцатку и около часа времени. Едем вдоль Атлантического побережья, сплошь

указатели-соблазны: Майами-Бич, Форт-Лодердейл, Орlando, Мыс Канаверал, Дайтона-Бич... Увы, там хорошо, но нам туда не надо, через два дня у моих гостей вылет домой, и мы хотим попасть в Луисвилл хотя бы накануне. 95-я обходит крупные населенные пункты стороной, и мы с Сергеем ведем машину на равных. Я успокоился, дорога как стрела, пусть мой напарник нарулится влать, Алдона выключена, и вдруг мы врываемся в даунтаун Джексонвилла, одного из самых больших городов Флориды. Меняться поздно, Серега мертвой хваткой цепляется за руль, с обеих сторон катят лавины машин, десятки развилки и знаков над головой, даже обычно беспечная Ольга и то, чувствуется, замерла на заднем сидении. Я беру на себя функции Алдоны, только вместо ее интеллигентных команд проезжаем Джексонвилл под мой мат. Как бы то ни было, Сергей с честью выдержал американский экзамен по вождению в крупных городах, с чем я его тут же поздравляю. Вдруг неожиданно вспоминаю о его правах. У него общеевропейские, а легальны ли они в Штатах, он — без понятия, я тоже. Решаем, будь что будет, когда полиция остановит, тогда узнаем. Не дай Бог.

Мы, американцы, наши дороги воспринимаем как данность, на самом деле им надо петь оратории и гимны. Что и делают мои гости. Им есть с чем сравнивать, особенно с Россией. Относительно недавно Сергей и Оля ездили на рейсовом пассажирском автобусе «Латвия — Москва». Как и в советские времена, автобус делает «санитарные остановки» возле лесочков. Девочки — налево, мальчики — направо, только внимательнее смотрите под ноги, можете ступить во что-нибудь оставшееся от предыдущих автобусов. Не говоря уже о качестве дорог. В Польше владельцы бензоколонок взимают плату за пользование туалетами.

Кажется, этой 95-й ни конца, ни края, пилим по ней без малого пятьсот миль. С одной стороны, хорошо, идем с опережением графика, с другой, утомляет однообразие. Более скучные дороги я видел только в прериях Техаса — вот где можно сдохнуть от тоски! Главное, добрать-

ся до Саванны, после нее свернем на запад в сторону Аппалачей, там будет повеселее. Обратно, чтобы попасть в Дымные горы, мы едем другим путем. По расстоянию получается то на то, ничего не прогадываем, ничего не выгадываем. Джорджия съедает сэкономленное во Флориде время — как только мы въехали в штат, началось бесконечное дорожное строительство. Дело нужное, но не на сто же миль подряд! Я уже давно вычислил формулу: как быстро не ехать, но за счет остановок, заторов, объездов и неожиданных пробок средняя скорость будет все равно не больше 55-60 миль. Так оно и есть.

В пригороде Саванны, где мы притормозили на ночлег, несколько мотелей. Подруливаю к первому попавшемуся, места есть, на всякий случай оставляю свое водительское удостоверение, взамен получаю пластиковый ключ для осмотра номера. Моим гостям все равно, но я не люблю мотели с их тяжелым запахом сигарет и пота, решаю посмотреть, может, найдем в округе что-нибудь приличнее. Четыре соседних мотеля были с разными названиями, но абсолютно одинаковыми внутри. Сергею и Оле надоели поиски, их вполне устраивал любой из них и удивлялись, что еще надо этому привередливому командору? Крыша над головой, кондиционер, телефон, ванная, даже холодильник, и всего за сорок баксов, мечта! В Египте или Тунисе четырехзвездочные отели намного хуже! Может в Африке так и есть, но у нас другие стандарты, в придорожных мотелях ночуют бедные, либо мексиканцы.

Делаю последнюю попытку и буквально рядом нахожу искомое: гостиницу на тридцать долларов дороже, зато чистую, новенькую, с иголочки. В последний момент вспоминаю, у меня в кармане ключ от первого мотеля, еду, отдаю карточку дежурному. Однако тот не торопится возвращать мои права и требует заплатить ... за час пользования номером. У меня глаза лезут на лоб, за что?! За 16 лет в Америке я впервые сталкиваюсь, чтобы с меня в гостинице брали за час. В итоге перебранки я ничего не плачу, дежурный делает копию с моих прав и только после этого отдает мне их обратно. На

утреннем совете мы вычисляем подоплеку конфликта. Дежурный решил, что я использовал номер для любовного свидания. Для него это рутина, откуда он мог знать, что на глубоком американском Юге появится ненормальный руссо туристо с нестандартным обликом морале?

Въезжаем в Северную Каролину и Аппалачские горы, сполна получаем компенсацию за флоридское

Эшвилле, сердце Северной Каролины, хотелось одним глазом глянуть на Билтмор, самый большой по площади дом в стране, имение Вандербильтов. Увы, дом запрятан в горах, и чтобы попасть туда, надо купить билеты по пятьдесят долларов, и вообще, сюда приезжают минимум на день-два, у нас их нет. Может, в следующий раз. Обедаем в популярном в Америке придорожном ресторане сети *Cracker Barrel* с блюдами национальной кухни по деревенским рецептам. Похоже, это последняя наша остановка. Аппалачи плавно переходят в не менее красивые Дымные горы, пересекаем Теннесси и въезжаем в Кентукки. Мы дома!

На родном паркинге экипаж чуть ли не целует «Тойоту», старушка достойно прошла 4000 километров, вынесла все дорожные тяготы и ни разу не подвела нас, спасибо. «Ты хоть мой ее почаще», — растроганно советует Ольга. Еще раз пришлось убедиться в правильности нашего побега на юг — за почти две недели погода так и не изменилась к лучшему. В оставшиеся полтора дня гости шопингуют под руководством моей жены, успеваем побывать в гостях у моего

друга и в ресторане.

Последний день: с нами до Цинциннати, потом уже без нас — Париж, Варшава и Вильнюс... Мои обычно сдержанные прибалты заваливают мою компьютерную почту девятым валом восторгов. Классный уровень сервиса. Красивые города, замечательная природа, простые, открытые, улыбчивые, доброжелательные люди. «Это лучшее путешествие в нашей жизни!.. Мы никогда не думали, что Америка так прекрасна, мы полюбили ее!... Это здорово знать, что на свете есть изумительная страна США, а в ней живет наш классный дядька!.. Мы обязательно сюда вернемся».

♦
Фото автора

На Большом Каймане

однообразие. Красотища необыкновенная! В дополнение к рельефу, изумительные краски, все оттенки зеленого цвета. Никакого сравнения с тропиками — там зелень однотонная, масляная, густая, да еще покрытая серой пылью. Если б не солнце, море и пальмы, там смотреть нечего и круглый год один цвет. Зато какие краски осенью у нас, особенно в этих краях, на севере США и в Канаде — никаким тропикам и не снилось! Оля и Сергей не отрываются от камер, слышатся только охи и ахи. Оля немного огорчена, почему столь красивые сиреневые деревья *dogwoods* именуют «собачьими»? Я и сам не знаю, почему?

Останавливаемся ненадолго в

